

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики *P. A. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

УДК / UDC 330.1:334.7:334.012.63/.64:338.2(470+571)

JEL: E01, E02, I3, L26, M2, O11

Е. А. Королева¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект

Королева Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории микроэкономического анализа и моделирования, ЦЭМИ РАН
E-mail: katerina8686@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>
Scopus Author ID: 57205202433
eLIBRARY SPIN-код: 7051-5112

Аннотация

Цель: проведение комплексной макроэкономической оценки состояния сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) России через призму многокомпонентной модели благополучия.

Методы: общенаучные методы структурного и сравнительного анализа, а также конкретно-научные методы (статистический анализ для обработки данных Росстата, ФНС России, Фонда «Общественное мнение»; экспертные оценки для интерпретации опросов; графический анализ для визуализации динамических рядов; моделирование для разработки концептуальной модели благополучия субъектов МСП).

Результаты: обоснована необходимость применения комплексного подхода к анализу субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках концепции благополучия экономических агентов. Проведен теоретический анализ феномена благополучия, в результате которого было сформулировано авторское определение благополучия субъектов малого и среднего бизнеса. На основе адаптации шестифакторной модели К. Рифф разработана и апробирована семикомпонентная модель благополучия сектора МСП на макроуровне. Анализ компонентов модели выявил противоречивую ситуацию: при формальном достижении ряда целевых показателей национальных проектов (численность занятых, доля в несырьевом экспорте) ключевой индикатор – доля МСП в ВВП – остается стагнирующим на уровне 20–22 %. Одновременно отмечается пессимизм деловых настроений, высокое налоговое и административное давление, дефицит квалифицированных кадров, сокращение господдержки и низкий уровень доверия к институтам.

Научная новизна: заключается в разработке оригинальной макроэкономической модели благополучия сектора МСП, расширенной за счет компонента «Вовлеченность в процессы цифровизации», что адекватно отражает вызовы современной экономики и позволяет преодолеть фрагментарность в исследованиях данного сектора.

Практическая значимость: полученные результаты и предложенная модель могут быть использованы органами государственной власти для корректировки экономической политики и программ поддержки МСП, фокусируя их на решении системных проблем, выявленных в ходе компонентного анализа. Материалы статьи также применимы в научной и образовательной деятельности для междисциплинарного изучения феномена благополучия экономических агентов.

Ключевые слова:

малые и средние предприятия (МСП), бизнес, благополучие, модель благополучия, оценка благополучия, компоненты благополучия, экономика благополучия, макроэкономическая оценка, междисциплинарность, макроэкономический уровень

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Королева, Е. А. (2025). Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 947–966. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

Scientific article

E. A. Koroleva¹

¹ Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Estimating well-being of small and medium enterprises in modern Russia: macroeconomic aspect

Ekaterina A. Koroleva, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the
Laboratory of Microeconomic Analysis and Modeling, Central Economic Mathematical
Institute of the Russian Academy of Sciences
E-mail: katerina8686@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>
Scopus Author ID: 57205202433
eLIBRARY ID SPIN-code: 7051-5112

Abstract

Objective: to conduct a comprehensive macroeconomic assessment of the state of the Russian small and medium enterprises (SMEs) sector through the prism of a multicomponent model of well-being.

Methods: general scientific methods of structural and comparative analysis, as well as specific scientific methods (static analysis for processing data from Rosstat, the Russian Federal Tax Service, the Public Opinion Foundation; expert assessments for interpreting surveys; graphical analysis for visualizing dynamic series; modeling for developing a conceptual model of the SMEs well-being).

Results: the research substantiated the need to apply a comprehensive approach to the analysis of small and medium enterprises (SMEs) as part of the concept of economic agents' well-being. The author performed a theoretical analysis of the well-being phenomenon and formulated a definition of the small and medium businesses' well-being. Based on the adaptation of C. Ryff's six-factor model, the author developed and tested a seven-component model of the SME sector well-being at the macro level. The model components analysis revealed a contradiction: while national projects formally achieve some of the targets (number of employees, share in non-resource exports), the key indicator (SMEs' share in GDP) remains stagnant at 20-22%. At the same time, there is pessimism in business sentiment, high tax and administrative pressure, a shortage of qualified personnel, a reduction in government support and a low level of trust in institutions.

Scientific novelty: it consists in the development of an original macroeconomic model of the SME sector well-being, expanded with the "Involvement in digitalization processes" component, which adequately reflects the modern economy challenges and allows overcoming the fragmented research in this sector.

Practical significance: the obtained results and the proposed model can be used by government authorities to adjust economic policies and support programs for SMEs, focusing them on solving systemic problems identified during the component analysis. The article materials are also applicable in scientific and educational activities for the interdisciplinary study of the phenomenon of economic agents' well-being.

Keywords:

small and medium enterprises (SMEs), business, well-being, well-being model, well-being assessment, well-being components, economy of well-being, macroeconomic assessment, interdisciplinarity, macroeconomic level

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Koroleva, E. A. (2025). Estimating well-being of small and medium enterprises in modern Russia: macroeconomic aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 947–966. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

Введение

Непрекращающиеся экономические кризисы и политические потрясения, оказывая дестабилизирующее воздействие на население и предприятия, приводят к изменениям во взглядах ученых на принятую экономическую парадигму. В настоящее время наблюдается практически единогласное признание того, что сложившееся со времен А. Смита взаимодействие экономических агентов на основе традиционной концепции *homo economicus* («экономический человек», которому свойственны рациональность поведения и стремление к личной выгоде) ограниченно (Drucker, 1939; Marsden, 1986; Persky, 1995; Родионова, Гусев, 2024 и др.), поэтому возрастающую значимость приобрела концепция «экономики благополучия», начавшая формироваться в последние несколько десятилетий как альтернатива доминирующей традиционной парадигме. И если в рамках предыдущей парадигмы основной задачей считалась максимизация прибыли, то сейчас все более актуальной становится оптимизация благополучия, которая, помимо финансовых показателей, предполагает изучение уровня счастья, удовлетворенности жизнью, неравенства, свободы выбора и действий и т. п. (Easterlin, 1995; Frey & Stutzer, 2002; Kahneman & Deaton, 2010; Martin et al., 2023). И эта область исследования затрагивает таких экономических агентов, как индивиды, а также крупные, средние, малые и микропредприятия.

Вклад субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП¹) в становление и развитие экономики государства является фундаментальным и общепризнанным. Тем не менее фактическое состояние сектора МСП, оцениваемое путем анализа таких статистических показателей, как доля МСП в ВВП, численность занятых в секторе, оборот предприятий и т. п., сильно отличается в разных странах. Так, в странах с высоким уровнем развития МСП вклад этого сектора в экономику составляет более 40–50 % (Германия – 46,6 %, Китай – 60 %, Италия – 62,9%). Появившиеся за последние годы в России институты, занимающиеся поддержкой МСП, а также нацпроекты, включающие меры по развитию предпринимательства, пока не смогли кардинально переломить ситуацию: вклад российских МСП в ВВП так и не превысил порог в 20–22 %. Это свидетельствует о том, что условия для ведения предпринимательской деятельности все эти годы были чаще затруднительными, чем благоприятными (ИКСИ, 2024).

Большинство исследований по проблематике малых и средних предприятий характеризуются следующими чертами: 1) базируются на традиционной концепции, где ключевой показатель – рост ВВП (в том числе рост вклада сегмента в ВВП), 2) представляют скорее мозаичный и одномерный взгляд на сектор МСП, так как охватывают, как правило, только одну из граней его состояния. Инерционность развития малого

¹ Здесь и далее в качестве синонимов будут использоваться такие словосочетания, как «малые и средние предприятия», «малое и среднее предпринимательство», «малые и средние фирмы», «малый и средний бизнес», «малые и средние компании». – Прим. Е. К.

и среднего предпринимательства в России в условиях современной экономики требует интегрального подхода, основанного на концепции благополучия и преодолевающего фрагментарность в исследованиях. Таким образом, цель данной статьи – проведение многомерной оценки сектора МСП на макроэкономическом уровне посредством исследования его благополучия. Автором поставлены следующие задачи: 1) осуществить теоретико-методологический анализ феномена «благополучия», 2) сформулировать авторское определение благополучия субъектов малого и среднего бизнеса, адаптированное к цели данного исследования, 3) разработать многокомпонентную модель изучаемого явления, выявив его ключевые составляющие, 4) провести апробацию модели посредством анализа ее компонентов с учетом актуальной макроэкономической ситуации в России.

Результаты исследования

Развитие концепции благополучия экономических агентов

В последние несколько десятилетий феномены благополучия и счастья стали одними из ключевых объектов эмпирических исследований в области экономики, социологии и психологии (Wilson, 1967; Diener, 1984; Easterlin, 1995; Селигман, 2013; Леонтьев, 2020; Скачкова и др., 2023 и др.). Закрепление этой тематики как актуальной области знаний подтверждается высокой активностью в академической среде (цитируемость публикаций), научным признанием (нобелевские премии по поведенческой экономике), появлением специализированных баз данных и профессиональных сообществ.

Концепция благополучия (от англ. *well-being*) вошла в сферу интересов ученых в середине XX в. (М. Аргайл, Р. Райан, К. Рифф и др.). Само понятие благополучия было введено в 1960-е гг. американским психологом М. Брэдберном, который определял его как баланс позитивных и негативных эмоций, достижимых индивидом на протяжении его жизни (Bradburn, 1969). Нередко в научной литературе встречается также термин «субъективное благополучие». В работах Andrews и Withey (1976) и Diener (1984) упоминается, что благополучие имеет тройственную структуру с такими детерминантами, как удовлетворенность жизнью, негативное воздействие и позитивное воздействие. К. Рифф в работе (Ryff & Keyes, 1995) выделяет шесть основных компонентов благополучия: самоприятие, наличие целей в жизни, компетентность, личностный рост, позитивные отношения с другими, автономность. Немного позже в трудах Селигмана (2013) было введено более обобщенное представление конструкта благополучия, которое включает пять элементов: положительные эмоции, увлеченность, хорошие отношения с людьми, смысл и достижения. Современные исследователи определяют благополучие индивида как интегральную характеристику жизнедеятельности человека, формирующуюся в результате технологического развития общества, функционирования эффективных и справедливых социально-политических институтов и удовлетворения экзистенциальных потребностей личности (Anglim et al., 2020; Рубцова, Леньков, 2020).

Кроме того, в научном мире представлены исследования, посвященные взаимосвязи благополучия с другими понятиями. Так, взгляды на корреляцию благополучия и дохода разнятся. В ряде исследований, целью которых является межстрановое сравнение, отмечается, что люди, живущие в странах с высоким уровнем дохода, счастливее и благополучнее тех, кто проживает в бедных государствах. Другое мнение отражено в работах Easterlin (2001), Frey и Stutzer (2002): если на низком уровне экономического развития доход агента действительно предсказывает уровень его благополучия, то на несколько более высоком уровне стабильное материальное состояние оказывает довольно скромное влияние на исследуемое явление (так называемый парадокс Истерлина). Эмпирическим подтверждением данного вывода служит следующая ситуация: несмотря на четырехкратное увеличение реальных доходов на душу населения в большинстве развитых экономик за последние 50 лет, совокупный уровень благополучия остался практически неизменным (Helliwell & Putnam, 2004). Нобелевские лауреаты по экономике Д. Канеман и А. Дитон выдвинули тезис о том, что эмоциональное благополучие растет до того момента, пока уровень доходов не достигнет порогового значения в 75 тыс. долл. (Kahneman & Deaton, 2010). Luhmann с соавт. (2012) исследуют воздействие безработицы на уровень благополучия, Dominko с соавт. (2022) – влияние изучаемого понятия на потребительское поведение индивидов. Таким образом, проведенный анализ научных взглядов свидетельствует о том, что благополучие представляет собой многокомпонентный феномен, а его достижение является весьма сложным процессом.

Как правило, понятие благополучия связывают с индивидом, удовлетворением его потребностей и желаний, а также с его финансовым состоянием. Междисциплинарность и многомерность изучаемого понятия позволяют имплементировать его в сферу предпринимательства, распространив как на предприятие (микроуровень), так и на сектор МСП в целом (макроуровень). В качестве допущения в данной работе был принят тот факт, что в настоящее время в секторе МСП занято 27 млн человек, из которых больше половины – это самозанятые граждане и индивидуальные предприниматели. Если речь идет о субъектах малого и среднего бизнеса (особенно в случае с индивидуальными предпринимателями и самозанятыми), то зачастую подразумеваются 1–2 вовлеченных в деятельность сотрудника, включая собственника бизнеса, и в таком случае благополучие бизнеса тесно переплетено с благополучием учредителя, т. е. индивида. Таким образом, в данной работе благополучие субъектов МСП определяется как комплексный показатель, включающий в себя множество компонентов, дающий интегральную оценку состояния предприятий и отражающий результат взаимодействия предприятий с другими экономическими агентами в условиях развития достижений современной науки и функционирования справедливого государственного устройства. Вместе с тем содержательная составляющая данного феномена требует дальнейшего более глубокого исследования.

Модель благополучия экономических агентов

Благополучие предприятий сводится не только к оценке их успешности, выраженной показателями доходности в финансово-аналитической документации. Это понятие интегрирует в себя ряд иных нефинансовых, но не менее важных компонентов. Далее исследование будет опираться на подход, описанный в работе (Ryff & Keyes, 1995), где изложена теория о позитивном функционировании и благополучии личности, представлена шестифакторная модель, включающая детерминанты благополучия индивида и разработаны опросник и «Шкала психологического благополучия» для измерения исследуемого феномена. Выбор модели К. Рифф обусловлен ее признанием в научном сообществе, распространностью в качестве инструмента исследования, а также адаптацией в работах российских ученых (Жуковская, Трошихина, 2011). Кроме того, в отличие от других методик (Diener et al., 1985; Lyubomirsky & Lepper, 1999 и др.), ограниченных монодисциплинарностью, ориентированных только на изучение индивида и имеющих эмоционально-аффективную основу, выбранная для адаптации методика предполагает междисциплинарный подход и количественно-измерительную направленность (Осин, Леонтьев, 2020). На основании вышесказанного автором была предпринята попытка построить модель благополучия для предприятий сектора малого и среднего бизнеса на макроуровне, определить ее компоненты, дополнив их новым детерминантом, актуальным для современной экономики, – «вовлеченность в процессы цифровизации» (табл. 1).

Таблица 1

Модель благополучия предприятий на микро- и макроуровнях

Table 1. Model of welfare of enterprises at micro- and macrolevels

Компонент / Component	Предприятие / Enterprise	Сектор МСП / Small and medium business sector
	Микроуровень / Microlevel	Макроуровень / Macrollevel
Оценка состояния и настроения / Assessment of conditions and attitudes	Ретроспективный анализ деятельности предприятия, оценка слабых и сильных сторон компании / Retrospective analysis of the company's activities, assessment of the company's weaknesses and strengths	Состояние и настроение в секторе МСП / Conditions and attitudes in the SME sector
Наличие целей / Presence of goals	Стратегические цели и задачи предприятия / Strategic goals and tasks of the company	Достижение сектором показателей по развитию согласно нацпроектам и прочим официальным документам / The sector's achievement of development indicators according to national projects and other official documents
Компетентность / Competence	Квалификация и компетентность персонала предприятия / Qualification and competence of the company's personnel	Наличие квалифицированных кадров в секторе / Availability of qualified personnel in the sector

Компонент / Component	Предприятие / Enterprise	Сектор МСП / Small and medium business sector
	Микроуровень / Microlevel	Макроуровень / Macrollevel
Перспективы роста / Growth prospects	Прогнозы и планы по развитию фирмы. Амбиции собственника и руководства / Forecasts and plans for the company development. Ambitions of the owner and management	Поддержка государством сектора / State support of the sector
Автономность / Autonomy	Независимость фирмы на рынке / The company's autonomy in the market	Степень контроля государства над сектором МСП, административное и налоговое давление / Degree of state control over the SME sector, administrative and tax pressure
Доверительные отношения с другими агентами / Trustful relations with other agents	Внутрифирменные и межфирменные связи, основанные на доверии / Intra-company and inter-company relationships based on trust	Уровень доверия к сектору МСП и уровень доверия предприятий сектора МСП к другим экономическим агентам / Level of trust to the SME sector and level of trust of enterprises in the SME sector towards other economic agents
Вовлеченность в процессы цифровизации / Involvement into digitalization processes	Внедрение цифровых продуктов и услуг в деятельность фирмы с учетом ее безопасности / Introduction of digital products and services into the company's activities, taking into account its security	Степень цифровизации бизнеса, уровень цифрового доверия / Degree of business digitalization, level of digital trust

Источник: дополнено и составлено автором на основе (Ryff & Keyes, 1995; Королева, 2024).

Source: complemented and compiled by the author based on (Ryff & Keyes, 1995; Koroleva, 2024).

Дальнейший этап исследования предполагает детальный анализ и оценку каждого компонента из табл. 1 с учетом актуальной макроэкономической ситуации в России, при условии доступности необходимых статистических и аналитических данных по изучаемой проблематике.

Оценка компонентов благополучия субъектов МСП

Для апробации предложенной модели благополучия субъектов МСП, включающей семь компонентов, необходимо проведение анализа каждого элемента. Это позволит получить интегральную оценку состояния сектора малого и среднего предпринимательства.

Оценка состояния и настроения бизнеса предполагает анализ показателей, отражающих развитие и настроение в секторе МСП. Современные исследования позволяют получить представление о макроуровневом самочувствии и настроении сектора МСП, а значит, косвенно отследить динамику общего состояния сектора. Интерес представляют показатели, рассчитываемые такими организациями, как «Опора России» совместно с «Промсвязьбанком» (индекс деловой активности малого и среднего бизнеса России *RSBI*), Фонд общественного мнения (Лонгитюд малого бизнеса), Аналитический центр НАФИ и Институт экономики роста им. П. А. Столыпина (разнообразные опросы предпринимателей), Росстат (число вновь созданных предприятий, динамика числа юридических лиц, ИП, самозанятых и т. п.), Федеральная налоговая служба (Единый реестр субъектов МСП) и др. Обратимся далее к некоторым из вышеупомянутых показателей для анализа актуального состояния российского сектора малого и среднего бизнеса.

Индекс деловой активности *RSBI* по итогам мая 2025 г. снизился до критической отметки в 50 пунктов впервые за 2,5 года (значение индекса ниже 50 пунктов означает нахождение показателя в отрицательной зоне), что говорит о постепенном переходе сектора МСП в стадию стагнации (рис. 1). Доля предприятий, получивших значительную прибыль, как и в последние четыре года, осталась неизменной и составила 10 %, в то время как доля убыточных компаний увеличилась с 5 до 8 %. И если в начале 2024 г. сегмент предприятий МСП находился в ожидании роста на фоне ушедших из страны зарубежных фирм, то с мая 2024 г. начался очевидный спад деловой активности. Возможными причинами спада стали следующие факторы: снижение продаж предприятий, сокращение потребительской активности, ограниченность банковских кредитов ввиду

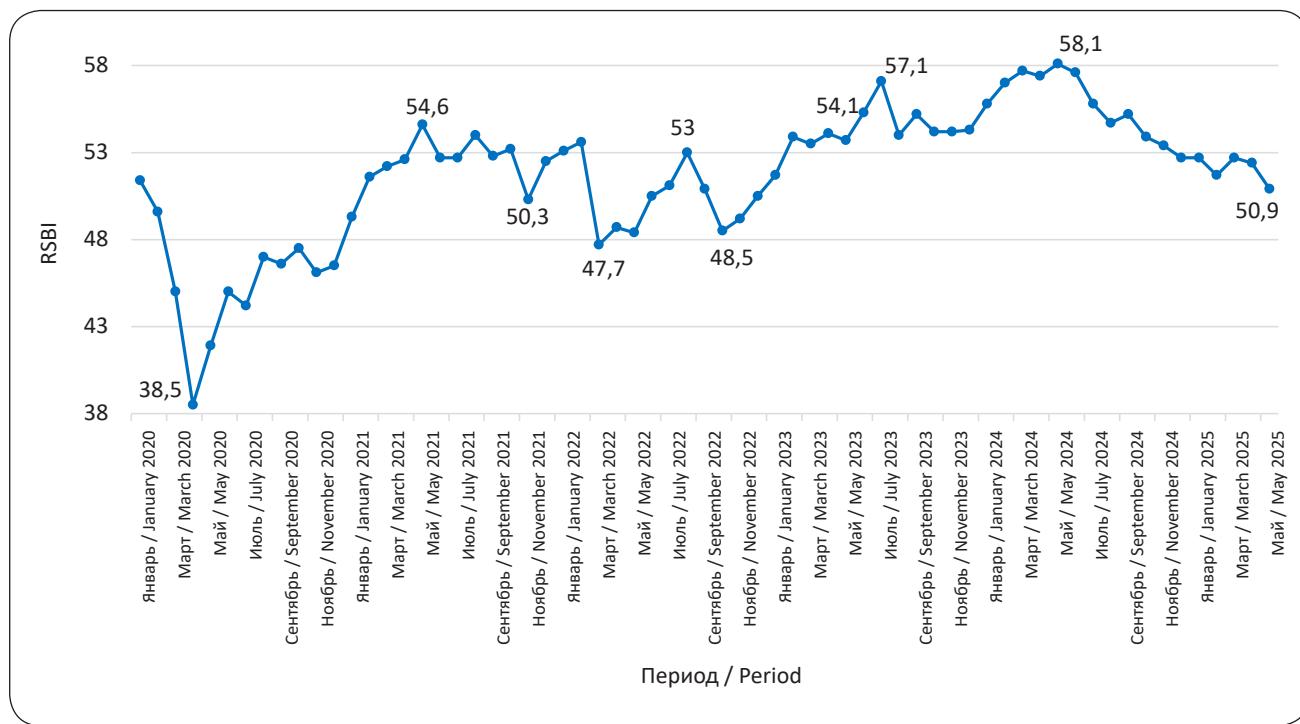

Рис. 1. Динамика индекса деловой активности малого и среднего бизнеса России RSBI за период январь 2020 г. – май 2025 г.

Источник: построено автором по данным Индекс RSBI деловой активности малого и среднего бизнеса. Результаты за май 2025 года. (2025, июнь). ПСБ. https://www.psb.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

Fig. 1. Dynamics of the index of business activity of small and medium business of Russia (RSBI) in January 2020 – May 2025

Source: compiled by the author based on RSBI Index of Small and Medium-Sized Business Activity. (2025, June). PSBank. https://www.psb.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

высокой ключевой ставки. В условиях дефицита финансирования предприниматели демонстрируют тенденцию к сокращению инвестиционных программ, направленных на расширение деятельности предприятий, а некоторые компании (около 10 % опрошенных) даже задумываются о сокращении персонала².

Деловые настроения, оцениваемые по динамике Индекса предпринимательской уверенности НИУ ВШЭ, в начале 2025 г. так же, как индекс RSBI, не демонстрируют оптимизм (Лола и др., 2025).

Еще один показатель, который косвенно характеризует веру предпринимателей в будущее и позитивные ожидания, – это число вновь созданных предприятий. Динамика этого индикатора за период 2016–2024 гг. крайне нестабильна (табл. 2). В период 2016–2019 гг. показатель оставался практически неизменным, а затем резко снизился в период пандемии коронавируса в 2020 г. Далее последовало некоторое оживление в предпринимательской среде, обусловленное мерами карантинной поддержки бизнеса, которые привели к тому, что в 2021–2022 гг. показатель вернулся к прежним допандемийным значениям. Затем в 2023 г. динамика числа вновь созданных компаний продемонстрировала значительный прирост, что, вероятнее всего, сопряжено со следующими обстоятельствами: увеличение численности страны за счет присоединения новых территорий (ДНР, ЛНР и др.), внедрение государственной политики импортозамещения, структурная перестройка экономики под воздействием санкционного давления. Однако полученный эффект оказался кратковременным, и уже в 2024 г. исследуемый показатель стал сокращаться. Следовательно, в последние годы вера предпринимателей в будущее демонстрирует значительную волатильность.

² Индекс RSBI деловой активности малого и среднего бизнеса. Результаты за май 2025 года. (2025, июнь). ПСБ. https://www.psb.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

Динамика числа вновь созданных предприятий в России за период 2016–2024 гг.
Table 2. Dynamics of the number of newly formed enterprises in Russia in 2016–2024

Год / Year	Вновь созданные предприятия (юридические лица и индивидуальные предприниматели) / Newly formed enterprises (legal persons and individual entrepreneurs)	
	Ед. / Units	Темп прироста, в % к предыдущему периоду / Growth rate, % to the previous period
2016	1 090 081	-
2017	1 113 312	2
2018	1 133 926	2
2019	1 062 132	-6
2020	822 672	-23
2021	1 024 821	25
2022	1 019 054	-1
2023	1 197 648	18
2024	1 160 516	-3

Источник: составлено автором по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕРСМП). (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Source: compiled by the author based on the Unified State Register of small and medium business entities. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

На настроение предпринимателей значимым образом также влияют риск наступления непредвиденных обстоятельств (79 % респондентов из числа опрошенных) и ограниченность финансовых средств и ошибки в работе персонала, которые нежелательным образом сказываются на клиентских взаимоотношениях (НАФИ, 2025). В целом мнения представителей МСП разделились: большая половина предпринимателей смотрят в ближайшее будущее с тревогой, меньшая – с уверенностью и оптимизмом. Среди самозанятых преобладают чуть более оптимистичные настроения – 57 % опрошенных уверены в будущем, а 43 % тревожатся о нем (Поникаровская, Цимбал, 2025).

Такой компонент благополучия, как *наличие целей*, подразумевает достижение сектором МСП целевых показателей, утвержденных национальными проектами на государственном уровне. В последние пять лет в отношении малого и среднего бизнеса действовал национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который предполагал три основных целевых показателя для оценки успешности его реализации: численность занятых, доля вклада сектора в ВВП страны и доля экспорта в общем объеме несырьевого экспорта³. Далее приводится оценка этих индикаторов.

Во-первых, ожидалось увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн человек. По итогам 2024 г. этот показатель был перевыполнен и составил 27,1 млн человек. Текущая структура МСП выглядит следующим образом: около 12 млн – самозанятые, 12,3 млн человек заняты на предприятиях (юридические лица, далее – ЮЛ) и 2,7 млн человек работают у индивидуальных предпринимателей (далее – ИП). Статистические данные в табл. 3 позволяют заметить, что увеличение числа занятых в секторе МСП было обеспечено резким ростом численности самозанятых, в то время как количество сотрудников на предприятиях и ИП (без учета самозанятых) за последнее десятилетие так и не превысило суммарно 15 млн человек.

³ Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/ualhTsGOc72APotuEQUjhENh1qYz4H.pdf>; Эффективная и конкурентная экономика: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

Таблица 3

Занятые в секторе МСП за период 2016–2024 гг.
Table 3. Employed in the small and medium business sector in 2016–2024

Год / Year	Число занятых на субъектах МСП, человек / Number of people employed at SME, people			Количество самозанятых граждан, человек / Number of self-employed, people	Итого, занятые в секторе МСП / Total, employed in SME sector	темпер прироста, в % к предыдущему периоду / Growth rate, % to the previous period
	ЮЛ / legal persons	ИП / individual entrepreneurs	всего (ЮЛ + ИП) / total (legal persons+ individual entrepreneurs)			
2016	13 438 000	2 416 141	15 854 141	–	15 854 141	
2017	13 713 000	2 392 957	16 105 957	–	16 105 957	2
2018	13 445 000	2 428 092	15 873 092	–	15 873 092	-1
2019	12 871 000	2 450 550	15 321 550	–	15 321 550	-3
2020	12 922 000	2 569 467	15 491 467	–	15 491 467	1
2021	12 252 100	2 503 400	14 755 500	3 862 114	18 617 614	20
2022	12 265 600	2 701 135	14 966 735	6 561 475	21 528 210	16
2023	12 469 500	2 714 463	15 183 963	9 260 162	24 444 125	14
2024	12 355 160	2 709 961	15 065 121	12 128 009	27 193 130	11

Источник: построено автором по данным ЕРСМП. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Source: compiled by the author based on the Unified State Register of small and medium business entities. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Во-вторых, запланированный рост доли МСП в ВВП страны до 32,5 % (рис. 2) не реализовался. Начиная с 2018 г. вклад МСП в ВВП так и остается неизменным на уровне 20–22 % («стыдная» и «заколдованная» цифра по развитию МСП), в то время как в Китае данный индикатор составляет 60 %, в США – 45 %, в Турции – 54 %, в Германии – 52 %⁴.

Ожидаемое значение третьего индикатора, связанного с долей экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в общем объеме несырьевого экспорта, в размере 10 % достигнуто. При этом в странах с развитой экономикой этот показатель превышает 30 %.

С 2025 г. программа по поддержке МСП стала частью нового национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», в рамках которого ввиду внутристрановой ограниченности трудовых ресурсов вопрос дальнейшего роста числа занятых в МСП стал вторичным, а первоочередная задача теперь состоит в повышении производительности труда на предприятиях малого и среднего бизнеса⁵.

Компетентность как важная составляющая благополучия сектора МСП предполагает наличие квалифицированного персонала в необходимом количестве и «качестве» для удовлетворения потребностей сектора малого и среднего бизнеса. Проблема дефицита кадров, которая зрела на протяжении многих лет, резко обострилась и стала едва ли не ключевым барьером в развитии современных предприятий (Ослон, 2024). Одной из фундаментальных причин этого дефицита является демографический провал 1990-х гг., его последствия наиболее ярко наблюдаются в текущее время (см., например, Жиромская, 2010; Рыбаковский, Фадеева, 2022). Пандемия и карантинные меры, СВО и мобилизация усугубили ситуацию в последние пять лет и стали при-

⁴ Чернышова, Е., Виноградова, Е. (2023, 26 мая). Греф назвал стыдной долю малого и среднего бизнеса в ВВП России. РБК. <https://www.rbc.ru/finances/26/05/2023/647076fa9a7947b349dae983>

⁵ Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotuEQUjh0ENh91qYz4H.pdf>

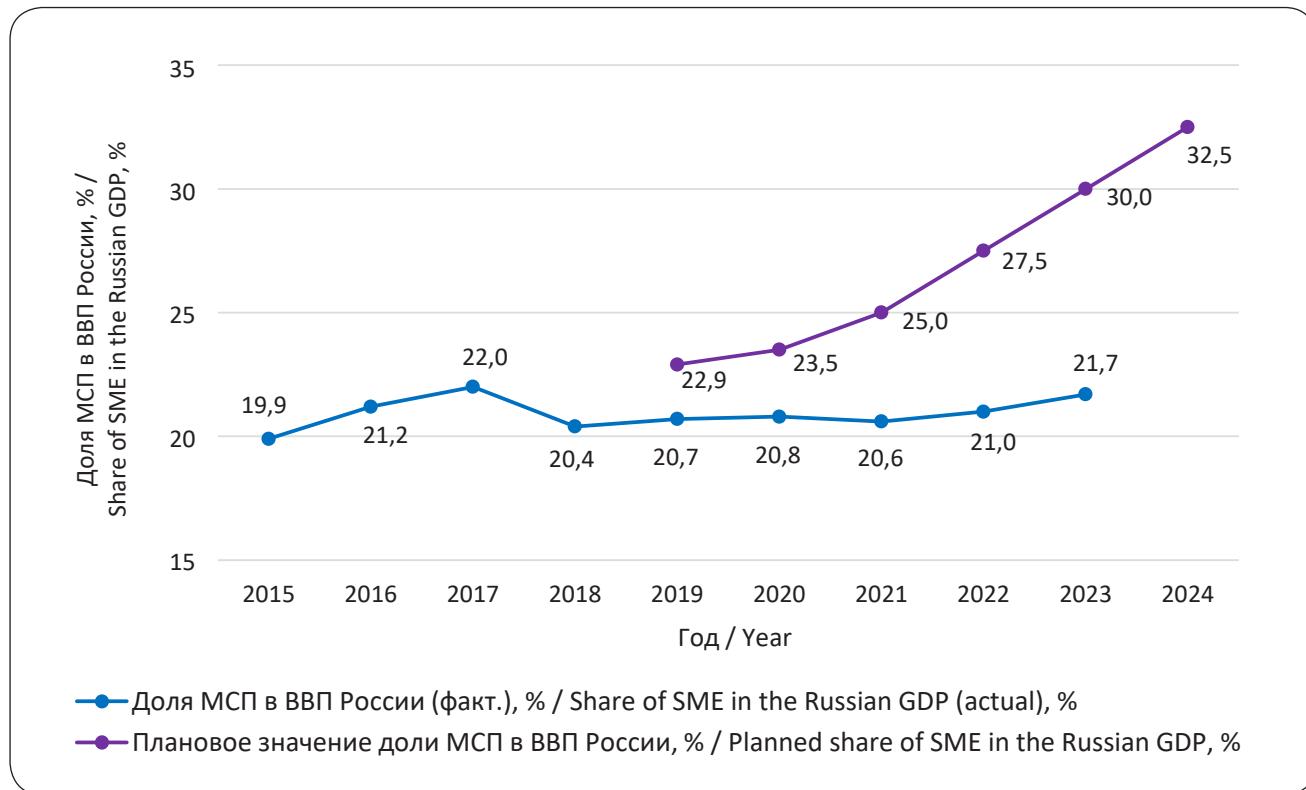

Рис. 2. Динамика доли вклада МСП в ВВП России за период 2015–2023 гг. (плановые и фактические значения)

Источник: построено автором по данным официального сайта Росстата (Росстат, 2024).

Fig. 2. Dynamic of the share of SME contribution into GDP of Russia in 2015–2023 (planned and actual values)

Source: compiled by the author based on the data of Rosstat official website (Rosstat, 2024).

чинами массового оттока кадров, который затронул не только крупные компании, но и предприятия малого и среднего бизнеса. Непосредственная оценка численности персонала, в котором нуждается сектор МСП, как правило, не представлена в открытых источниках, однако о нехватке квалифицированных кадров как об одном из серьезных барьеров на пути развития бизнеса, по разным оценкам, заявляют 30–50 % опрошенных предпринимателей из сектора МСП⁶.

В результате потери сотрудников предприниматели столкнулись с необходимостью замещения кадров и перераспределения нагрузки среди работников. На микропредприятиях, где задействовано небольшое число работников – не более 15 человек, – дополнительные обязанности легли очевидным образом в том числе и на плечи владельцев бизнеса. Кроме того, на рынке труда проявился дисбаланс: снижение уровня квалификации и мотивации соискателей рабочих мест сопровождается ростом запросов к размерам заработной платы и социальным условиям. Так, 21 % опрошенных работодателей из сектора МСП снижают требования к квалификации персонала, для того чтобы закрыть вакансии, а также более лояльно относятся к соискателям при проведении собеседований⁷. В целом сложилась ситуация, в которой компании вынуждены конкурировать за персонал, в то время как «качество» персонала снижается.

⁶ Агаркова, Л. (2023, 23 октября). «Работы платить не сошьют»: где найти кадры для малого бизнеса. РБК+. <https://spb.plus.rbc.ru/news/6532714e7a8aa9d853be7bfa>; Главными проблемами малого и среднего бизнеса стали дефицит кадров и инфляция. (2025, 26 марта). Forbes.ru. <https://www.forbes.ru/franchises/533505-glavnymi-problemami-malogo-i-srednego-biznesa-stali-deficit-kadrov-i-inflaciya>

⁷ Ефремова, С. (2024, 28 октября). Опрос: бизнесу остро не хватает инженеров и технологов. Российская газета, 249(9491). <https://rg.ru/2024/10/28/opros-biznesu-ostro-ne-hvataet-inzhenerov-i-tehnologov.html>

Наем мигрантов рассматривается как один из вариантов решения вопроса нехватки персонала, однако падение курса рубля и недавнее ужесточение требований к мигрантам сильно осложнили и этот путь решения кадрового вопроса⁸. Оценка данных миграционной обстановки затрудняется тем, что имеющаяся статистика в этой сфере крайне противоречива и не всегда объективна.

Разрешение кадровых трудностей в сфере малого и среднего бизнеса усугубляется дополнительными институциональными барьерами, так как при наличии на рынке труда большого числа работодателей отсутствуют какие-либо координирующие институты. Все это осложняет поиск кадров и коммуникации с потенциальными сотрудниками для замещения вакантных должностей в сфере малого и среднего бизнеса.

Перспективы роста сектора МСП как макроуровневый компонент благополучия учитывает планы государства по поддержке и развитию бизнеса. В рамках обновленной программы развития МСП «Эффективная и конкурентная экономика», принятой на 2025–2030 гг., намечено сокращение объемов финансирования малого и среднего бизнеса⁹ на 20 % по сравнению с предыдущей программой. И если во время пандемии коронавируса и после введения санкционных мер малым и средним предприятиям оказывалась усиленная поддержка, то теперь распределение бюджетных ресурсов будет происходить с учетом установленных приоритетных направлений развития экономики страны: обрабатывающие производства, IT-сфера, сфера гостиничного бизнеса и общественного питания, научная и техническая деятельность¹⁰.

Актуальные данные свидетельствуют о том, что за I квартал 2025 г. объем поддержки субъектов МСП и самозанятых уже сократился на 43,4 %. И если в I квартале 2024 г. доля МСП и самозанятых, получивших финансовую поддержку, составила 0,3 %, то за I квартал 2025 г. этот показатель снизился до 0,2 % (Мисихина, 2025).

Кроме того, произошла переориентация в оценке эффективности деятельности МСП с количественных (например, численность занятых в секторе) на качественные показатели. Так, к 2030 г. ожидается реальный прирост дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства в размере 28,1 %¹¹. Для достижения этой цели перед МСП ставятся задачи по росту производительности труда, участию в достижении технологического суверенитета, а также активной интеграции цифровых решений в свою деятельность.

Предприниматели имеют свой взгляд на перспективы роста их компаний. Общей тенденцией последних двух лет является ухудшение состояния предприятий из сектора МСП: все больше представителей предпринимательского сообщества вынуждены переориентироваться с долгосрочных стратегий развития на поддержание базовой жизнеспособности. В последние два года планы компаний консервативные, преобладают стратегии сохранения либо даже выживания, и в 2024 г. доля тех, кто ориентирован на выживание, стала расти.

Автономность как еще один компонент благополучия предприятий предполагает анализ степени контроля государства над бизнесом, выражаящегося в интенсивности административного и налогового давления на сектор МСП.

Минимизация административной нагрузки является одной из распространенных мер государственной политики разных стран, направленной на стимулирование предпринимательской деятельности (например, OECD, 2019; European commission, 2007; Алекснович, Анучин, 2021). Для оценки этого явления в России с 2019 г. производится расчет Индекса административного давления, определяемый по итогам деятельности девяти ведомств, на долю которых приходится наибольшее количество проверок: Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Россельхознадзор, Росприроднадзор, Роструд, МЧС, Росздравнадзор, Ространснадзор и ФНС России. Динамика данного индекса характеризуется неоднозначностью. С одной стороны, отмечается положительная тенденция, выраженная в снижении числа проверок предприятий¹². С другой – проблему

⁸ О взаимодействии бизнеса с государством: Результаты опроса (2024). Институт экономики роста им. П. А. Столыпина. https://stolypin.institute/storage/app/media/_ДЕКАБРЬ_2024.pdf

⁹ Эффективная и конкурентная экономика: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

¹⁰ Александр Новак: сектор предпринимательства максимально быстро адаптируется к новым вызовам. (2025, 18 июня). Официальный сайт Министерства экономического развития. https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksandr_novak_sektor_predprinimatelstva_maksimalno_bystro_adaptiruetya_k_novym_vyzovam.html

¹¹ Национальные проекты России. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

¹² Индекс «Административное давление» (2023). Приложение к докладу Президенту Российской Федерации. <https://ppt-online.org/1339821>

административной нагрузки на бизнес нельзя назвать решенной, так как за декларируемым снижением административного прессинга последовал ряд негативных процессов в виде усиления налогового контроля, подмены деятельности контрольно-надзорных органов правоохранительными практиками (в форме возбуждения уголовных дел), а также расширения функционала государственных автоматизированных систем, приводящее к их дублированию. Кроме того, сохраняется неравенство в мерах ответственности за правонарушения между представителями бизнес-среды и сотрудниками контрольно-надзорных органов. В 86 % ситуаций предприниматели получали наказание по административным нарушениям в виде штрафа, в то время как в случае с должностными лицами этот показатель составлял всего лишь 9 %. В остальных ситуациях наказание должностных лиц ограничивалось предупреждениями. Таким образом, статистика за период 2013–2022 гг.¹³ свидетельствует об усугублении дисбаланса с явным смещением нагрузки на предпринимательское сообщество.

Уровень налоговой нагрузки на субъекты МСП оценивается как достаточно высокий. Существующие специальные налоговые режимы, которые были внедрены для снятия излишней фискальной нагрузки на малый и средний бизнес, не формируют адекватных институциональных условий для развития предпринимательства, а лишь дестабилизируют деловой климат (ИКСИ, 2024). Дело в том, что эти режимы больше подходят микропредприятиям, в то время как налоговая нагрузка малых и средних компаний практически полностью соответствует общей системе налогообложения, которую применяет крупный бизнес, поэтому часть субъектов МСП прибегает к теневым схемам (например, сокрытие доходов, выплаты заработной платы «в конверте», оптимизация в виде дробления бизнеса и др.), которые стали адаптационным механизмом выживания в современных экономических условиях.

Ужесточение фискальной политики, нацеленной на повышение собираемости налоговых сборов, приводит к следующим последствиям: с одной стороны, все больше предпринимателей выбирают «тень», и в таком случае для них естественным образом возрастают риски, связанные с применением теневых схем по налоговой оптимизации; с другой – происходит общее ухудшение условий ведения бизнеса, так как вводимые меры затрагивают налогоплательщиков всех четырех основных моделей поведения: «честный налогоплательщик», «налоговый дистрофик», «налоговый тюбик», «теневой неплательщик» (подробнее см. (Егорова, Хромов, 2005)). Учитывая особенности ведения предпринимательской деятельности в России, еще одним косвенным индикатором автономности субъектов МСП может быть уровень теневизации экономики. По оценкам российских и международных исследований, теневая экономическая активность в нашей стране является существенной. Данные об объемах российской теневой экономики исчисляются различными показателями и сильно разнятся от источника к источнику. Например, по данным Института комплексных стратегических исследований, доля теневой экономики составляет около 30–40 % от ВВП (ИКСИ, 2024).

В ближайшее время со стороны государства планируется ряд изменений в налоговой сфере, которые повлияют и на субъекты сектора МСП. Во-первых, Министерство финансов РФ разработало проект по повышению ставки НДС с 20 до 22 % с 1 января 2026 г. Во-вторых, планируется пересмотр тарифов страховых взносов, в рамках которого пониженные тарифы будут доступны только предприятиям, занимающимся приоритетными видами деятельности. В-третьих, ожидается снижение порога годового дохода компаний, свыше которого возникает необходимость по уплате НДС – с 60 до 10 млн рублей¹⁴. Эти изменения очевидным образом приведут к росту налоговой нагрузки на сектор малого и среднего бизнеса, ухудшению делового климата и поиску предпринимателями новых способов оптимизации налогооблагаемой базы.

Доверительные и партнерские отношения считаются фундаментом эффективного взаимодействия экономических агентов, а доверие – ключевым фактором многих экономических и социальных результатов, к которым в том числе относится и благополучие населения и предприятий (Arrow, 1972; Фукуяма, 2004; Стиглиц, 2005; Мильнер, 1997; Клейнер, 1999; Дементьев, 2004 и др.). В условиях дефицита доверия возрастают транзакционные издержки предприятий, увеличиваются организационные риски, затягиваются процессы принятия решений, осложняется сотрудничество.

¹³ Там же.

¹⁴ Алексеевских, А. (2025, 24 сентября). Для усиления защиты и обороны. Минфин объявил о новых налоговых изменениях. Газета. ру. <https://www.gazeta.ru/business/2025/09/24/21748022.shtml>

Россию называют «страной недоверия» из-за того, что в последние несколько десятилетий здесь наблюдается низкий уровень доверия. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), три четверти российских граждан считают, что при взаимодействии с другими людьми «нужно соблюдать осторожность»¹⁵ (Крюков, 2024). Среднеевропейский уровень доверия, согласно индексу *World Value Survey* (WVS), составляет около 40 %, в то время как в России – всего 22,9 %¹⁶.

Надо отметить, что отношение россиян к предпринимательству в целом оценивается как позитивное (НАФИ, 2024, 14 мая), при этом около 75 % респондентов уверены в том, что в России трудно открывать и вести свой бизнес, а опыт предпринимательской деятельности имеется всего у 14 % граждан (Клейнер, 2023). По сравнению с другими странами в России отмечен наиболее низкий уровень доверия к бизнесу – 34–35 % при общестрановом показателе агентства *Edelman* в размере 59–61 %¹⁷.

Важной составляющей развития любого бизнеса выступают финансовые ресурсы, за которыми нередко обращаются в банковские организации. Уровень доверия между предприятиями и банками может быть оценен посредством анализа косвенных показателей. Например, до 2017 г. уровень доверия предпринимателей банковским организациям оценивался отдельно на основе опросов НАФИ, затем появился Индекс Опоры *RSBI*, в котором одной из составляющих является показатель доли отказов в кредитах. В 2023 г. доля отказов МСП в банковском кредитовании впервые за последние два года превысила отметку 40 % и только 8 % предприятий имели доступ к кредитным ресурсам¹⁸. И тот и другой показатель фиксируют наличие негативной тенденции в отношениях между МСП и банками (рис. 3).

В целом определение уровня доверительности между экономическими агентами доверия осложняется спецификой понятия доверия (субъективность, многогранность и т. п.) и неполнотой данных. Имеющиеся методики оценки, как правило, подразделяются на опросно-социологические и статистические. Большинство методик построены на опросах. Однако индикаторы, рассчитываемые такими международными организациями, как *Edelman Trust Barometer*, с 2023 г. более недоступны, потому что Россия исключена из числа опрошенных агентством *Edelman*, а волны исследований *World Value Survey* (WVS, или Всемирный обзор ценностей) не всегда включают полный перечень стран. В разное время российские организации начинали проекты по оценке доверия к бизнесу (Альфа-Банк, НАФИ, НИУ ВШЭ, МСП Банк и т. п.), однако, как правило, длительность таких проектов не более 2–4 лет либо информация представлена в достаточно своеобразном формате, который неудобен для анализа. Фонд «Общественное мнение» ежегодно оценивает уровень межличностного доверия среди россиян, однако данные за период 2020–2022 гг. отсутствуют, а доверие к бизнесу не анализируется данной организацией. ВЦИОМ – старейший российский исследовательский центр – оценивает доверие/недоверие политикам и общественным институтам, но имеются пробелы во временных рядах.

Реактивные скорости информационных потоков побуждают рассмотреть вопрос доверия предприятий таким институтам, как СМИ. Текущий уровень доверия предпринимателей к этому институту может быть охарактеризован как средний. Самый распространенный источник бизнес-новостей для предпринимателей – Интернет (83 % опрошенных). Наибольшим доверием у представителей бизнес-среды пользуются сайты «Яндекс», РБК, а также ТАСС, «Ведомости», «Коммерсантъ», Яндекс.Дзен и Lenta.ru. Меньше всего доверия вызывают блогеры, транслирующие бизнес-новости. Половина опрошенных руководителей российских МСП используют мессенджер *Telegram* для получения новостей¹⁹.

¹⁵ Крюков, В. (2024, 21 августа). 73 % россиян не готовы доверять окружающим. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/21/1056952-ne-gotovi-doveryat-okruzhayushim?from=copy_text

¹⁶ WVS. (2022). World Values Survey Wave 7 (2017–2022). v4.0. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

¹⁷ Edelman. (2022). Edelman Trust Barometer. Global Reports. <https://www.edelman.com/trust/trust-barometer>

¹⁸ Чернышова, Е., Виноградова, Е. (2023, 26 мая). Греф назвал стыдной долю малого и среднего бизнеса в ВВП России. РБК. <https://www.rbc.ru/finances/26/05/2023/647076fa9a7947b349dae983>

¹⁹ ТАСС вошел в топ-3 СМИ, которым доверяют предприниматели в России. (2021, 10 августа). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/12095421>

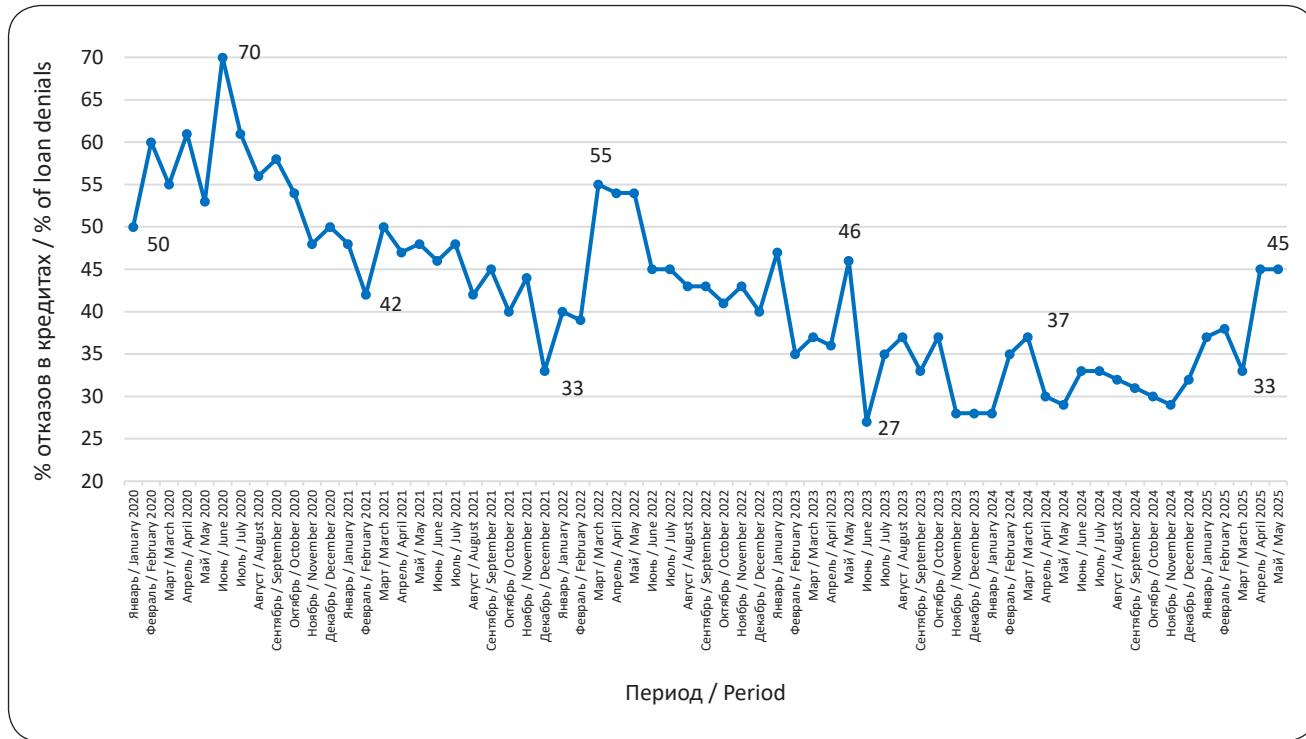

Рис. 3. Доля отказов в кредитах предпринимателей в общем числе заявок, %

Источник: составлено автором по данным *Russia Small Business Index*. (2025). ПСБ. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

Fig. 3. Share of loan denials to entrepreneurs in the total number of applications, %

Source: compiled by the author based on the data from *Russia Small Business Index*. (2025). PSBank. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

Еще один детерминант благополучия предприятий, сформировавшийся в современных условиях, – это *влеченность в процессы цифровизации*, которая предполагает цифровое взаимодействие компаний с другими экономическими агентами и связанное с ним цифровое доверие, под которым понимается доверие к цифровым технологиям, платформам и цифровым институтам (Нурмухаметов, Торин, 2020). Оно определяет степень готовности предприятий принять и использовать в своей деятельности новые цифровые технологии.

Повышение степени прозрачности и легальности в секторе МСП оценивается только третью предпринимателей как благоприятное последствие внедрения цифровых инструментов в деятельность компаний. Около половины предпринимателей считает цифровой риск «очень высоким», 90 % предпринимателей сталкивались с утечкой их личных данных в сети Интернет (Веселов, Скворцов, 2023), поэтому обеспокоенность по поводу сбоев в работе IT-систем, кибербезопасности, защиты данных и конфиденциальности растет (Нурмухаметов, Торин, 2020). Интенсификация процессов цифровизации приводит к расширению масштабов и увеличению разнообразия мошеннических схем: в 2023 г. доля тех, кто сталкивался с попытками мошенничества, увеличилась на 9 п. п. и составила 91 % (НАФИ, 2022), число схем на одного жителя выросло до 4 ед.

Около 60 % предпринимателей придерживаются идеи о «цифровом рабстве», тотальном контроле за деятельностью населения и предприятий, а также электронно-банковском концлагере (Овчинников, 2018). Вместе с тем почти половина представителей российского МСП оценивают инструменты на базе искусственного интеллекта и нейросетей как полезные (НАФИ, 2024, 20 мая), однако его использование оказывает непосредственное влияние на создание и распространение недостоверных или фейковых новостей. В 2022 г. их число увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 6 раз – до 9 млн сообщений (Чемоданова, 2023). Таким образом, можно констатировать невысокую вовлеченность субъектов МСП в процессы цифровизации, так как этот процесс отличается относительной новизной, а также сдержанной и экономически рациональной позицией представителей бизнеса.

Заключение

Экономическая парадигма, существовавшая на протяжении длительного времени на базе *homo economicus*, доказала свою деструктивность как для социального благополучия, так и для экономической устойчивости, поэтому в последние годы произошел разворот в сторону «экономики благополучия», в которой важны не только доход, но и прочие нефинансовые индикаторы (счастье и удовлетворенность жизнью, доверие и партнерство, деловые настроения и свобода выбора, компетентность и профессиональное развитие и т. п.).

Феномен благополучия, обладающий междисциплинарным и комплексным характером, основывается на идее о процветании экономических агентов, что обуславливает необходимость его приумножения (Селигман, 2013). Достижение благополучия, а значит, и процветания представляет собой важный стратегический вопрос для нашей страны, которая в последние годы находится в сложных внешнеполитических и экономических обстоятельствах. Для субъектов МСП данная задача приобретает особое значение, так как происходит смещение приоритетов государственной поддержки на другие направления экономики, а эффективность ранее применявшихся мер весьма спорная.

Разработанная в работе модель благополучия субъектов МСП, включающая семь компонентов, допускает иной взгляд на состояние исследуемого сектора экономики, так как позволяет получить комплексную оценку его текущего состояния. Однако предложенный подход в силу объективных факторов обладает некоторой ограниченностью: зависимость от данных опросно-социологических исследований, а также невозможность полной количественной оценки всех компонентов ввиду отсутствия необходимой качественной статистической информации по малым и средним предприятиям. Проблему усугубляет краткосрочный характер большинства исследовательских проектов по данной тематике.

В ходе апробации предложенной модели был проведен анализ каждого компонента и сделаны следующие выводы: программно-целевые показатели развития сектора МСП (число занятых и доля в несырьевом экспорте) достигнуты, при этом величина вклада МСП в ВВП так и остается неизменной; наблюдается дефицит кадров и несоответствие уровня их компетенций текущему спросу предприятий; настроения и ожидания в бизнес-среде не демонстрируют оптимизм; заявленное снижение административного давления является скорее декларативным; уровень налоговой нагрузки повышен и в ближайшей перспективе вырастет еще больше; объемы государственной поддержки сокращаются, так как происходит смена ее приоритетов. Уровень доверия между МСП и банками находится на невысоком уровне, а доверие предпринимателей к СМИ компенсируется высоким цифровым риском. По данным опросов, отношение населения к малому и среднему бизнесу является позитивным, однако, учитывая, что больше половины субъектов МСП – это физические лица (самозанятые и ИП с небольшим числом занятых), то в этом вопросе скорее применимы данные по общественному доверию, а их значения в последние десятилетия в России низкие. Воздействие обозначенных неблагоприятных факторов усугубляет негативный кумулятивный эффект и затрудняет достижение благополучия субъектов сектора малого и среднего бизнеса.

Благополучие предприятий из сегмента МСП – не просто достижение ключевых показателей, зафиксированных в национальных проектах по развитию экономики. Структура данного понятия в целом включает равнозначные по степени влияния компоненты, не подлежащие ранжированию: квалифицированные и компетентные кадровые ресурсы; благоприятный деловой климат с комфортной налоговой и административной нагрузкой; доверительные отношения с населением, бизнесом, финансовыми, государственными и прочими значимыми для предпринимательства институтами; эффективные меры государственной поддержки; оптимистичный настрой в бизнес-среде и достаточная степень цифрового доверия. Однако наличие двух компонентов предположительно может иметь все же более значимый вес по сравнению с другими – наличие персонала и отсутствие долговой нагрузки (Казун, 2025). Тем не менее достижение истинного благополучия субъектов МСП, представляющего собой интегральный показатель, может быть реализовано при сбалансированном развитии всех его компонентов.

Список литературы

Алехнович, А. О., Анучин Л. Л. (2021). Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 7–29. EDN: ONNIEK

Веселов, Ю. В., Скворцов, Н. Г. (2023). Трансформация культуры доверия в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(173), 157–179. EDN: BGVQNQ. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212

Дементьев, В. Е. (2004). Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики. *Российский экономический журнал*, 8, 46–65. EDN: PGKUKN

Егорова, Н. Е., Хромов, И. Е. (2005). Модели и методы выбора схемы налогообложения при обосновании стратегии развития малого предприятия. *Аудит и финансовый анализ*, 3, 25–80. EDN: KXXAJJ

Жиромская, В. Б. (2010). Проблемы демографического развития России в XX веке. *Труды Института российской истории РАН*, 9, 285–310. EDN: RWGUNL

Жуковская, Л. В., Трошихина, Е. Г. (2011). Шкала психологического благополучия К. Рифф. *Психологический журнал*, 32(2), 82–93. EDN: NTJYQD

ИКСИ. (2024). *Малый и средний бизнес в новых условиях: проблемы и меры, необходимые для развития*. Институт комплексных стратегических исследований. [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)

Казун, А. П. (2025). С командой и без долгов: факторы выживаемости малого бизнеса в России в 2021–2023 гг. *Вопросы экономики*, 5, 83–110. EDN: IPARJJ. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-5-83-110

Клейнер, Г. Б. (1999). Экономика России и кризис взаимных ожиданий. *Общественные науки и современность*, 12, 5–19. EDN: VUPJSV

Клейнер, Г. Б. (ред.) (2023). *Системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики*: монография. Москва: Научная библиотека.

Королева, Е. А. (2024). О взаимосвязи доверия и цифрового благополучия в современной экономике. *Экономика и предпринимательство*, 11, 1354–1359. EDN: GDEGAD. DOI: 10.34925/EIP.2024.172.11.243

Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 14–37. EDN: TBBDGH. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02

Лола, И. С., Асосков, Д. Г., Усов, Н. А. (2025). *Композитные индикаторы деловой активности: текущие и прогнозные траектории*. Москва: НИУ ВШЭ.

Мильнер, Б. З. (1997). Фактор доверия при проведении экономических реформ. *Вопросы экономики*, 11, 27–38.

Мисихина, С. (2025, 24 июня). *Комментарии о государстве и бизнесе № 529. Институциональная среда. Поддержка субъектов МСП и самозанятых в первом квартале 2025 г*. Центр развития ВШЭ. https://dcenter.hse.ru/data/2025/06/25/1990279644/KGB_529_институты_МСП_Chart.pdf

НАФИ. (2024, 20 мая). *Каждый третий представитель МСП использует искусственный интеллект в работе*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-tretiy-predstavitel-msp-ispolzuet-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote/>

НАФИ (2025, 28 марта). *Инвестиции в персонал и финансовая подушка безопасности – главные антикризисные меры российского бизнеса*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/itogi-2024-goda-chto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/>

НАФИ. (2022, 14 октября). *82% россиян сталкивались с попытками мошенничества*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/82-rossiyan-stalkivais-s-popyatkami-moshennichestva/>

НАФИ. (2024, 14 мая). Исследование НАФИ, «Деловой России» и ОП РФ «Доверяет ли общество российскому бизнесу». Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/doveryayet-li-obshchestvo-rossiyskomu-biznesu-issledovanie-nafi-delovoy-rossii-i-op-rf/>

Нурмухаметов, Р. К., Торин, С. С. (2020). Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению. *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*, 1, 32–38. EDN: IDNRCs

Овчинников, А. И. (2018). Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада. *Философия права*, 3(86), 26–32. EDN: YBQLZJ

Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 117–142. EDN: FLYPFH. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06

Ослон, А. А. (2024). *Социология малого бизнеса. Малый бизнес: жизнь продолжается. Травмы, трансформации и обретения после февраля 2022 года*. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».

Поникаровская, А., Щимбал, М. (2025). *Десятая волна ПРИМа: ситуация у самозанятых в I квартале 2025 года*. Исследовательско-коммуникационный ФОМ-Проект СМБиз. <https://smbiz.fom.ru/post/desyataya-volna-prima-situaciya-u-samozanyatyh-v-i-kvartale-2025-goda>

Родионова, Н. В., Гусев, Н. О. (2024). Роль науки в битве «homo economicus» с «homo ethicus» за ценности сообществ в системах управления. *Вестник Владимира государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Серия: Экономические науки, 3(41), 179–191. EDN: SNEWTO

Росстат. (2024). *Малое и среднее предпринимательство в России*: стат. сб. Москва.

Рубцова, Н. Е., Леньков, С. Л. (2020). Психологическое благополучие в проекции цифровой социализации. *Психология человека в образовании*, 2(2), 143–149. EDN: BTFFYQ. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-2-143-149

Рыбаковский, О. Л., Фадеева, Т. А. (2022). Структурные демографические волны регионов России: предварительный анализ. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(4), 425–438. EDN: XQZEPQ. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.1

Селигман, М. (2013). *Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия* (пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина). Москва: Манн, Иванов и Фербер.

Скачкова, Л. С., Герасимова, О. Я., Кривошеева-Медянцева, Д. Д., Яковлева, Е. А. (2023). Экономика счастья: исследование об исследованиях. *Journal of Institutional Studies*, 15(3), 125–146. EDN: HPVWUD. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146

Стиглиц, Дж. Ю. (2005). *Ревущие девяностые. Семена раз渲а*. Москва: Современная экономика и право. EDN: OZGJWH

Фукуяма, Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: ACT: ЗАО НПП «Ермак».

Чемоданова, А. А. (2023). Фактчекинг как прием в условиях информационной войны. В сб. *Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций – 2023*: сб. научных статей II Международной научно-практической конференции, Москва, 14 апреля 2023 г. (с. 44–48). Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Andrews, F. M., & Whitey, S. S. (1976). *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>

Anglim, J., Horwood, S., Smillie, L. D. et al. (2020). Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146(4), 279–323. EDN: UOJDEK. DOI: 10.1037/bul0000226

Arrow, K. J. (1972). Gifts and Exchanges. *Philosophy & Public Affairs*, 1(4), 343–362.

Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co.

Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>

Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13

Dominko, M., & Verbić, M. (2022). The effect of subjective well-being on consumption behavior. *Journal of Consumer Affairs*, 56(2), 876–898.

Drucker, P. (1939). *The End of Economic Man: A Study of the New Totalitarianism*. New York: John Day Co.

Easterlin, R. (2001). Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), 465–484. EDN: DYFTFV

Easterlin, R. A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27(1), 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)

European Commission. (2007). *Report of the Expert Group: Models to Reduce the Disproportionate Regulatory Burden on SMEs*. European Commission, Enterprise and Industry Directorate General. <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/2265/attachments/1/translations/en/renditions/native>

Frey, B. S., Stutzer, A. (2002). What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435.

Helliwell, J. F., & Putnam, R. D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 359(1449), 1435–1446.

Kahneman, D., & Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1011492107>

Luhmann, M., Hofman, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615.

Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155. EDN: AHEYVN. DOI: 10.1023/a:1006824100041

Marsden, D. (1986). *The End of Economic Man? Custom and Competition in Labour Markets*. Brighton: Wheatsheaf Books.

Martin, J., Hùng, T. H., Baccarani, C., & Testa, F. (2023). The Wellbeing Enterprise for Sustainability: Theory, Tenets, Testing. In M. V. Ciasullo, J. Martin, & F. Brunetti (Eds.), *Embracing Sustainability Management Through Excellence in Services*. EISIC 2023. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-65115-1_1

OECD. (2019). Strengthening SMEs and Entrepreneurship for Productivity and Inclusive Growth: OECD 2018. *Ministerial Conference on SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/c19b6f97-en>

Persky, J. (1995). Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus. *The Journal of Economic Perspectives*, 9(2), 221–231.

Ryff, C. D., & Keyes, C. L. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. EDN: HITMHB

Wilson, W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

References

Alekhnovich, A. O., & Anuchin, L. L. (2021). Evaluation and Adjustment of the Law Enforcement Practice of State Control and Supervision Bodies: Administrative Pressure Index. *Public Administration Issues*, 1, 7–29. (In Russ.).

Andrews, F. M., & Whitey, S. S. (1976). *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>

Anglim, J., Horwood, S., Smillie, L. D. et al. (2020). Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146(4), 279–323. <https://doi.org/10.1037/bul0000226>

Arrow, K. J. (1972). Gifts and Exchanges. *Philosophy & Public Affairs*, 1(4), 343–362.

Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co.

Chemodanova, A. A. (2023). Fact checking as a technique during an information war. In *New trends of journalism and media communications – 2023: collection of scientific articles of the 2nd International scientific-practical conference, Moscow, April 14, 2023 (pp. 44–48)*. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.).

Dementyev, V. E. (2004). Trust as a factor of functioning and development of modern market economy. *Russian Economic Journal*, 8, 46–65. (In Russ.).

Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>

Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Dominko, M., & Verbič, M. (2022). The effect of subjective well-being on consumption behavior. *Journal of Consumer Affairs*, 56(2), 876–898.

Drucker, P. (1939). *The End of Economic Man: A Study of the New Totalitarianism*. New York: John Day Co.

Easterlin, R. (2001). Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), 465–484.

Easterlin, R. A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27(1), 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)

Efremova, S. (2024). Survey: Business is Acutely Short of Engineers and Technologists. *Rossiyskaya Gazeta*, 249(9491). (In Russ.). <https://rg.ru/2024/10/28/opros-biznesu-ostro-ne-hvataet-inzhenerov-i-tehnologov.html>

Egorova, N. E., & Khromov, I. E. (2005). Models and methods of the choice of the scheme of the taxation at the substantiation of the development strategy of the small enterprise. *Audit and Financial Analysis*, 3, 25–80. (In Russ.).

European Commission (2007). *Report of the Expert Group: Models to Reduce the Disproportionate Regulatory Burden on SMEs*. European Commission, Enterprise and Industry Directorate General. <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/2265/attachments/1/translations/en/renditions/native>

Frey, B. S., Stutzer, A. (2002). What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435.

Fukuyama, F. (2004). *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST: ZAO "Ermak". (In Russ.).

Helliwell, J. F., & Putnam, R. D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 359(1449), 1435–1446.

Kahneman, D., & Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1011492107>

Kazun, A. P. (2025). With a team and without debt: Factors affecting small business survival in Russia in 2021–2023. *Voprosy Economiki*, 5, 83–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-5-83-110>

Kleiner, G. B. (1999). Russia's Economy and the Crisis of Mutual Expectations. *Social Sciences and Contemporary World*, 12, 5–19. (In Russ.).

Kleiner, G. B. (Ed.) (2023). *System-oriented modeling of the real sector of Russian meso-economy*: monograph. Moscow: "Nauchnaya biblioteka" Publishing House. (In Russ.).

Koroleva, E. A. (2024). On the Relationship between Trust and Digital Well-Being in the Modern Economy. *Economy and Entrepreneurship*, 11, 1354–1359. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.172.11.243>

Leontiev, D. A. (2020). Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 14–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>

Lola, I. S., Asoskov, D. G., & Usov, N. A. (2025). *Complex indicators of business activity: current and prognostic trajectories*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).

Luhmann, M., Hofman, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615.

Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155. <https://doi.org/10.1023/a:1006824100041>

Marsden, D. (1986). *The End of Economic Man? Custom and Competition in Labour Markets*. Brighton: Wheatsheaf Books.

Martin, J., Hung, T. H., Baccarani, C., & Testa, F. (2023). The Wellbeing Enterprise for Sustainability: Theory, Tenets, Testing. In M. V. Ciasullo, J. Martin, & F. Brunetti (Eds.), *Embracing Sustainability Management Through Excellence in Services*. EISIC 2023. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-65115-1_1

Milner, B. Z. (1997). Trust factor during economic reforms. *Voprosy Economiki*, 11, 27–38. (In Russ.).

Misikhina, S. (2025). *Comments on state and business No. 529. Institutional environment. Support for SME entities and self-employed in the first quarter of 2025*. HSE Centre of Development Institute. (In Russ.). https://dcenter.hse.ru/data/2025/06/25/1990279644/KGB_529_институты_МСП_Chart.pdf

NAFI (2024, May 14). Research by NAFI, “Delovaya Rossiya” and the Russian Civic Chamber “Does the society trust business in Russia?”. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/Analytics/doveryat-li-obshchestvo-rossiyskomu-biznesu-issledovanie-nafi-delovoy-rossii-i-op-rf/>

NAFI. (2022, October 14). *82% of the Russian encountered fraud attempts*. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/Analytics/82-rossiyan-stalkivais-s-popytkami-moshennichestva/>

NAFI. (2024, May 20). *Every third representative of SME uses artificial intelligence at work*. NAFI Analytical Center. <https://nafi.ru/Analytics/kazhdyy-tretiy-predstavitel-msp-ispolzuet-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote/>

NAFI. (2025, March 28). *Investments into personnel and financial safety net – the main anti-crisis measures of the Russian business*. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/Analytics/itogi-2024-goda-cto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/>

Nurmukhametov, R. K., & Torin, S. S. (2020). Digital Trust: The Essence and Measures to Increase It. *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*, 1, 32–38. (In Russ.).

OECD. (2019). Strengthening SMEs and Entrepreneurship for Productivity and Inclusive Growth: OECD 2018. *Ministerial Conference on SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/c19b6f97-en>

Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 117–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>

Oslon, A. A. (2024). *Sociology of small business. Small business: life goes on. Traumas, transformations and acquisitions after February 2022*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. (In Russ.).

Ovchinnikov, A. I. (2018). Development trends of law in the conditions of a new technological structure. *Philosophy of Law*, 3(86), 26–32. (In Russ.).

Persky, J. (1995). Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus. *The Journal of Economic Perspectives*, 9(2), 221–231.

Ponikarovskaya, A., & Tsymbal, M. (2025). *Tenth wave of PRIM: situation with the self-employed in the first quarter of 2025. Research and Communications FOM-Project SMBiz*. (In Russ.). <https://smbiz.fom.ru/post/desyataya-volna-prima-situaciya-u-samozanyatyh-v-i-kvartale-2025-goda>

Rodionova, N. V., & Gusev, N. O. (2024). The role of science in the battle between “homo economicus” and “homo ethicus” for community values in management systems. *Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Economic Sciences*, 3(41), 179–191. (In Russ.).

Rosstat. (2024). *Small and medium business in Russia*. Moscow. (in Russ.).

Rubtsova, N. E., & Lenkov, S. L. (2020). The impact of digital socialization on psychological well-being. *Psychology in Education*, 2(2), 143–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-2-143-149>

Rybalkovsky, O. L., & Fadeeva, T. A. (2022). Structural Demographic Waves of Russian Regions: Preliminary Analysis. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(4), 425–438. (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.1

Ryff, C. D., & Keyes, C. L. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727.

Seligman, M. (2013). *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).

Skachkova, L. S., Gerasimova, O. Ya., Krivosheeva-Medyantseva, D. D., & Yakovleva, E. A. (2023). Happiness economics: a scoping review. *Journal of Institutional Studies*, 15(3), 125–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146>

Stiglitz, J. Y. (2005). *The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade*. Moscow: Modern Economy and Law. (In Russ.).

Veselov, Y. V., & Skvortsov, N. G. (2023). Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(173), 157–179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212> (In Russ.).

Wilson, W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

Zhiromskaya, V. B. (2010). Problems of the demographic development of Russia in the 20th century. *Trudy Instituta Rossiyskoy Istorii RAN*, 9, 285–310. (In Russ.).

Zhukovskaya, L. V., & Troshikhina, E. G. (2011). K. Riff's Scale of Psychological Well-Being. *Psichologicheskiy zhurnal*, 32(2), 82–93. (In Russ.).

Institute for Complex Strategic Research (ICSR). (2024). *Small and medium business under the new conditions: problems and measures necessary for development*. [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 24.11.2025